

Н.Р. САЕНКО
(Волгоград)

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ
В.А. КУТЫРЁВА «ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ
И ИНОЕ: БОРЬБА МИРОВ»
(СПб.: АЛЕТЕЙЯ, 2009. 264 с.)**

Нижегородский культуролог профессор Владимир Александрович Кутырёв – автор известных работ, посвящённых радикальной критике постмодернизма как культурной реальности (по выражению автора, «транспостмодернизма») и постмодернистской философии культуры, в которой бытие и небытие входят в состояние смысловой инверсии. Статей и монографий этого автора в указанном ключе вышло уже столько, что можно говорить о «философском проекте Кутырёва» под названием «Оправдание бытия» (название одной из ключевых его статей). Книга «Человеческое и иное: борьба миров» – это завершение трилогии «Естественное и искусственное: борьба миров» (Н. Новгород, 1994), «Культура и технология: борьба миров» (М., 2001).

Выстраивая книгу в содержательном плане по принципу трех концентрических кругов, которые сжимаются вокруг человека, «грозя задушить и уничтожить», В.А. Кутырёв стремится, по собственному признанию, их разомкнуть. В каждой главе звучит пафос призывов, вполне похожих на лозунг С. Жижика «Назад к Реальности!». Так, автор книги видит задачу философии в том, чтобы, учитывая завершенность метафизики, вырабатывать такой тип философствования, который отвечал бы новым реалиям и в то же время сохранял человека. Профессор В.А. Кутырёв в качестве альтернативы постмодернистской философии предлагает парадигму консервативного философствования, которую он называет «феноменологическим реализмом», дающим надежду на поддержание антропологической идентичности. Философ сегодня, считает автор книги, должен, «...стоя в потоке становления, направлять его в круг Вечного Бытия» (с. 11). Автор эмоционально и убедительно пишет о состоявшемся разрушении человека, но тут же призывает сохранить культуру и философию человека.

В первых двух главах работы исследуются процессы, происходящие в «предметном мире»:

влияние экспансии техники и экономики на духовность человека ведёт к её истощению, превращению личностей в акторов, агентов, «человеческий фактор» и постепенно к демонтажу естественных форм продолжения их рода – замене социальным и биотехническим конструированием. Закономерно, что написание подобного портрета человека (не-человека) постмодернизма выводит философию культуры на уровень крайнего нигилизма. Ещё в 1962 г. С. Лем изобразил данную взаимообусловленность в рассказе «Клиника доктора Прилепиуса», в котором иронично представлено будущее культуры, когда человек, киборг и робот становятся неразличимы; роботы, так же как и люди, заболевают и лечатся в психиатрических лечебницах. Уровень пародийности Лема так высок, что читателю невозможно понять, является ли сумасшедший профессор, создатель концепции небытологии, человеком или роботом. Интрига рассказа в том, что профессор признаётся душевнобольным не из-за концепции отсутствия реальности, а из-за возникших сомнений в ней (он начал подозревать, что что-то все же бытийствует).

Следующая часть монографии посвящена анализу процессов, происходящих в XX–XXI вв., во времени, которое В.А. Кутырёв считает настоящим «криком о небытии». В третьей и четвёртой главах книги рассматриваются влияние на судьбу человека информационной реальности и планы его реконструкции с целью приспособления к ней. Что ему предлагается взамен тела, во что превращается субъект? Постмодернизм, деконструкция и грамматология применительно к человеку видятся автору книги как идеология снятия, элиминации, включения в виртуальный мир, «в котором от людей остаются складки и сингулярности. В лучшем случае – персонажи» (с. 10).

Так, В. А. Кутырёв становится Вергилием, проводником читателя по кругам транспостмодернистского ада. Первый круг – экономоцентризм, который позволяет человеку переносить законы стоимости и потребительства в духовный мир, этим разрушая и уничтожая культуру. «Как потребитель, интеллект, технократ, эффективный и “самодостаточный” делец он ограничен для товарно-денежного производства. Но именно для про-

изводства. Однако эти свойства он обычно переносит в культуру, а потерей души и духа, собственно живого начала может даже гордиться» (с. 23). Второй круг – «сумерки любви» – изменяет отношение к сексу, семье, женщине, клонированию. Однако в конце своих размышлений автор восклицает: «Какой тут диморфизм полов, если исчезает диморфизм живого и неживого!» (с. 52). Третий круг – информационная сеть и виртуализация бытия. «Частичный человек», «нулевое тело», «анти-тело», потеря (отказ от) центра и субъектности являются завоеваниями в борьбе знаков с реальностью, в которой победили знаки; «поверхность» одолела высоту и глубину; копия стала лучше оригинала и вообще его опередила. «Возникла техническая реальность экранов и поверхностей, на которые сканируются, куда «уходят» вещи и живые тела...» (с. 71). Изначальное отсутствие у феномена информационной сети центра, её ризомный характер, онтологическая приоритетность знака и текста перед действительностью позволяют подозревать, что сеть и есть постмодернистская посткультура. «Сеть – это не система, не организация в точном смысле этих слов. А ситуативная конфигурация, детерриториализованный, хотя артикулированный хаос, потенция, ничто, т.е. абсолютная свобода. Абсолютная, но “беспредметная”» (с. 81).

Проходя эти круги, автор провозглашает свершившейся «великую, всеобъемлющую нигилистическую революцию» (с. 105). Этапами этой революции являются прочтение мира как текста, потеря означаемого при разрастании означающего (позже и его потеря), признание первичности и фундаментальности небытия. В книге пристальное внимание обращено на «лингвистический, семиотический поворот». Высказывая резкую критику предтеч деконструкции, автор книги натолкнул нас на предположение о том, что концепции Э. Гуссерля, Л. Витгенштейна, М. Хайдеггера, а затем Ж. Дерриды, М. Фуко не являются зарисовками культурной ситуации, а сами провоцируют инаковость бытия. Это несколько не противоречит постмодернистской философии, но, напротив, – подтверждает власть языка, всеохватность текста, симуляцию реальности.

В.А. Кутырев тщательно и с большим вниманием анализирует работы Ж. Дерриды, фактически снимая с французского философа обвинения в «лукавстве», «фальсификации», «авторстве нигитологии»: «...несмотря на отрицание Бытия, означающего и означаемого, этно-фалло-

фоно-логоцентризма, текстуалистский этап деконструкции не является движением к абсолютно ничто. Но к какому-то новому ничто» (с. 115).

Напротив, в потенциализме (например, в философии М.Н. Эпштейна) автор книги также усматривает фундаментальную угрозу нигитологии. «Иерархия не просто переворачивается, она исчезает – вместе с бытием, ибо максимумом возможностей обладает, как известно, ничто. Это предельное воплощение чистых возможностей, абсолютная потенция, и если исходить из неё, мир Есть “всё по имени ничто”» (с. 127). С нашей же точки зрения, буря и натиск нигилистической (нигитологической) революции в отношении человека, его вещно-событийного мира, телесного бытия и словесно-теоретического мышления как раз смягчены вырастающими в нигитологии потенциалистскими гранями.

Стиль изложения, выбранный В.А. Кутырёвым, может смутить читателя, потому что степень эмоциональности повышена, хлёстких эпитетов автор не жалеет, метафор-окказионализмов также много. С другой стороны, книга от этого становится ярким, живым, запоминающимся трактатом.

Когда рецензия была готова, пришла информация о выходе из печати новой книги В.А. Кутырёва «Бытие или Ничто» (М., 2010). Новость нас порадовала, название книги заинтриговало (хотя бы потому, что является парафразом трёх ключевых философских текстов XX в.: «Бытие и время» М. Хайдеггера, «Бытие и ничто» Ж.-П. Сартра, «Иметь или быть?» Э. Фромма). Ждём книгу с желанием продолжить непростой разговор о перерастании онтологии постмодернистской культуры в нигитологию.

А.И. ШИПИЦИН
(Волгоград)

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ
Д.А. МИСЮРОВА «СИМВОЛЫ О
СИМВОЛАХ: НАЧАЛА КУЛЬТУРНО-
СИМВОЛИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ»
(М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ»,
2009. 232 с.)

Вопросы символизации в пространстве политики, поиск ключевых объединяющих символов и идей в современном обществе,